

Тихий час

Полина Светлова

Полина Светлова

Тихий час

«Автор»

2026

Светлова П.

Тихий час / П. Светлова — «Автор», 2026

Гоша Синицын никогда не спит на уроках: он до смерти боится засыпать. А Лена Королёва, наоборот, спит всегда и приносит в школу подушку. Однажды Лена открывает Гоше тайну: все, кто честно заснул на уроке, попадают в Тихий час — серый мир заколдованной школы, где бродят застрявшие, а время отмеряют три звонка. Там уже год застрял Ленин друг Толя. Гоша, единственный, кто может двигаться в этом сне свободно, соглашается помочь. Вместе они пройдут через коридоры страхов, встретят говорящего кота Тихона и научатся смотреть в глаза своим главным страхам. Фантастическая повесть о школе, сне и о том, что даже страх можно взять за руку.

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Как я сюда попал	6
Глава 1. Мальчик, который никогда не спит	7
Глава 2. Предложение Лены Королёвой	10
Глава 3. Пять минут	12
Глава 4. Сонный кот	15
Глава 5. Школа, которой не видно	18
Глава 6. Первый звонок	21
Глава 7. Охота на кота	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тихий час

ТИХИЙ ЧАС

Фантастическая повесть о школе, сне и о том, что даже страх можно взять за руку

Часть первая. Как я сюда попал

Глава 1. Мальчик, который никогда не спит

В четвёртом «В» учится двадцать семь человек, и про каждого можно сказать что-нибудь интересное. Про Вовку Титова — что он меняет три зуба на одну жвачку и никогда не проглатывает. Про Настю Ершову — что она умеет шевелить ушами по очереди. Про Дениса Крюкова — что однажды он сказал учительнице «здрасьте» вместо «здравствуйте», и теперь весь класс так делает.

А про Гошу Синицына говорят другое.

Гоша Синицын никогда не спит на уроках. Ни-ког-да.

— Синица не спит, — объяснял Денис всем, кто спрашивал. — Синица заряжается. Он дома ложку к батарее прислоняет и стоит так полчаса. Глаза закрыты, а сам — тюк! — и заряженный.

Класс смеялся. Гоша делал вид, что ему тоже смешно. На самом деле никакой ложки, конечно, не было. Было другое: Гоша боялся засыпать. Не ночью — ночью ещё туда-сюда, с ночником в виде черепахи, которая светит звёздами в потолок. А вот днём... Днём уснуть — это как шагнуть с качелей на ходу: неизвестно куда прилетишь.

— Это потому что в детском саду ты спал на тихом часу и упал с кровати, — говорила мама.

— Я не падал, — бурчал Гоша.

Он и правда не помнил, чтобы падал. Он помнил другое, но про это не рассказывал никому. Он помнил серый свет. Помнил, что все вокруг стояли, как куклы, и не отвечали. И помнил далёкий-далёкий звонок, от которого внутри становилось холодно, будто проглотил

сосульку. Ему тогда было пять лет, и взрослые сказали, что это просто сон. «Просто сон» — так и сказали.

Но Гоша-то знал: не похож это был на простой сон. Простые сны цветные и дурацкие. А тот был серый и настоящий, как коридор школы.

Поэтому в четвёртом «В» Гоша считался странным. Он единственный ни разу не прикладывался щекой к парте. Единственный, кто на последнем уроке сидел прямо, как пограничник в дозоре, и держал сам себя за мочки ушей — оттянет и отпустит, оттянет и отпустит. Больно, зато надёжно.

Зато Лена Королёва спала на уроках всегда.

Это была удивительная девочка. Она приходила в школу с подушкой. Не с большой — с маленькой, дорожной, надувной, и клала её в парту вместе с пеналом. Когда начинался третий урок, Лена доставала подушку, укладывала на неё щеку и засыпала так спокойно, будто была у себя дома в воскресенье.

И — вот что самое странное — её почти никогда не будили.

Учителя, которые в начале года громко говорили «Королёва! Немедленно проснись!», к ноябрю почему-то замолкали. Они просто начинали говорить чуть тише. А Мария Петровна, их классная, вообще вела себя непонятно: если замечала, что кто-то засыпает, она прерывалась на полуслове, смотрела на спящего, потом на часы — старые такие, на цепочке, — и... продолжала урок как ни в чём не бывало. Только голос у неё становился другой. Мягкий, как будто она сама себе колыбельную пела.

— Мария Петровна просто добрая, — сказала как-то Настя Ершова.

Но Гоша видел, как однажды в конце такого «тихого» урока Мария Петровна подошла к спящему Денису, постояла над ним, шевеля губами, и тихо-тихо щёлкнула пальцами. Денис дёрнулся, поднял голову и спросил: «А что задали?» — как будто и не спал вовсе.

И Мария Петровна выдохнула. Так, знаете, выдохнула — будто держала-держала тяжёлый портфель и наконец поставила.

Гоша тогда подумал: взрослые что-то знают про сон. Что-то, чего не знают дети.

Он не подозревал, как близко к правде был. И что совсем скоро сам всё узнает — самым худшим из возможных способов.

Всё началось во вторник, после пятого урока.

Гоша стоял у окна и ждал, когда мама закончит разговаривать с Марией Петровной (она всегда задерживалась: «Георгий, вы не могли бы есть в столовой? Он у вас вообще ест?»). За окном шелестел ноябрь. В стекле отражался пустой класс: перевёрнутые на парты стулья, доска с остатками дроби, и в этом отражении — сам Гоша, лохматый, с оттопыренным ухом.

— Синицын, — сказали вдруг сзади.

Гоша обернулся. В дверях стояла Лена Королёва. Одной рукой она держалась за косяк — всегда так делала, будто боялась, что её унесёт. Другой прижимала к себе свою надувную подушку.

— Ты никогда не спишь на уроках, да? — спросила Лена.

— Не-а, — сказал Гоша и сразу насторожился. Обычно после такого вопроса смеются.

— Совсем-совсем никогда?

— Совсем-совсем.

Лена посмотрела на него долгим взглядом — так смотрят на объявление о пропаже собаки, когда собака нашлась.

— Это очень плохо, — сказала она. — И это очень хорошо. Я не решила ещё, как именно.

— В смысле? — спросил Гоша.

Но Лена уже ушла — тихо, как она всё делала. Только подушка мелькнула в коридоре.

А на следующий день, на большой перемене, она под села к нему за столик в столовой, придвинула к себе его нетронутый компот и сказала:

— Синицын. Мне нужна твоя помощь. Это будет опасно, непонятно и, скорее всего, тебе не понравится.

— А что делать надо? — спросил Гоша, потому что, когда говоришь «нет», с тобой больше не разговаривают интересные люди.

— Тебе надо будет уснуть на уроке, — сказала Лена Королёва. — Один раз. По-настоящему.

И Гоша вдруг почувствовал, как у него холодеют кончики пальцев — точь-в-точь как тогда, в детском саду, когда он услышал далёкий звонок.

Глава 2. Предложение Лены Королёвой

— Нет, — сказал Гоша.

— Я знала, что ты так скажешь, — кивнула Лена. — Поэтому я принесла компот.

— Мой компот?

— Твой. Пей.

Гоша машинально отпил. Компот был из сухофруктов и совершенно не спасал от разговора.

— Зачем мне спать на уроке? — спросил он. — Чтобы надо мной весь класс смеялся? Денис и так говорит, что я заряжаюсь от ложки.

— Не для класса, — сказала Лена. Она огляделась и понизила голос: — Ты знаешь, что такое тихий час?

— Это в детском саду. Когда всех укладывают спать, а кто не спит — тот лежит тихо.

— Правильно, — сказала Лена. — Только это не детский сад придумал. Детский сад просто знает. Есть такое место — Тихий час. Туда попадают все, кто засыпает на уроке. Не вообще все, а... — она наморщила лоб, подбирая слово, — ...честно заснувшие. По-настоящему. Не те, кто притворяется, чтобы урок пропустить, а те, кого сон сам забрал.

Гоша посмотрел на неё внимательно. Лена не шутила. У неё даже уши покраснели — она всегда краснела, когда говорила серьёзное.

— И что, ты там была? — спросил он, стараясь, чтобы вышло насмешливо.

— Раз сто, — сказала Лена просто. — Я сплю на уроках с первого класса. Сначала случайно, потом нарочно.

— Нарочно?!

— Тише ты! — Лена дёрнула его за рукав. — Нарочно, потому что там... Ну, знаешь, как бывает: придёшь в новое место — страшно, страшно, а потом привыкаешь. И уже не страшно, а интересно. Там всё серое и тихое, и школа стоит как заколдованная, и люди ходят во сне... И туда нужен провожатый. Мне нужен ты.

— Почему я?

— Потому что ты не должен там быть, — сказала Лена и посмотрела на него так, что Гоше стало не по себе. — Понимаешь, кто засыпает сам — тот во сне и остаётся. Ходит как сонный, видит половину, помнит половину. А я... я научилась просыпаться внутри. Но я там всё равно как гость по приглашению: мне можно далеко не всё. А если привести человека, который спать не должен, — он будет там настоящий. Свободный. Он может то, чего не могу я.

— Например?

— Например, — Лена помедлила, — разбудить застрявших.

Гоша вспомнил серый свет из детского сада. Вспомнил неподвижных кукол-людей. Вспомнил сосульку в животе.

— Нет, — сказал он снова, но уже не так уверенно.

— У меня друг застрял, — тихо сказала Лена. — Толя Белых, он из нашего подъезда, на три года старше. Год назад уснул на алгебре — и не вышел. Лежит теперь дома, спит. Врачи говорят: «Редкий случай, организм отдыхает». А он не отдыхает. Он там. Ходит по школе, бросает в кольцо бумажный мячик и не помнит, кто он. Я прихожу к нему каждый раз, как засыпаю. Говорю с ним. Он не отвечает.

В столовой стало почему-то очень шумно: кто-то уронил поднос, Денис орал, смеясь, а Гоша слышал только, как у него самого колотится сердце.

— А я при чём? — хрипло спросил он.

— При том, что застрявшего может разбудить только тот, у кого голос настоящий, — сказала Лена. — Спящий спящего не услышит. А ты... ты ведь больше всех на свете держишься

за бодрствование. Ты вцепился в неё обеими руками, я видела, как ты себя за уши дёргаешь. Значит, внутри Тихого часа ты будешь самый настоящий из всех. Самый громкий. Твой голос долетит куда угодно.

— А если я сам застряну? — спросил Гоша. Вот теперь он задал главный вопрос и сам это понял.

Лена отвела глаза.

— Не застрянешь, — сказала она. — Надо просто успеть до звонка.

— До какого звонка?

— До третьего, — сказала Лена. — В Тихом часе звенит три раза. Первый — далеко, второй — ближе, третий — над самым ухом. Кто не вышел до третьего — остаётся.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Оттуда же, откуда знаю, что спать надо на правой щеке, — буркнула Лена. — Опыт.

Гоша молчал. Он смотрел на свой компот, на плавающую в нём курагу, на Лену, которая вдруг стала совсем не сонной, а очень даже напряжённой. Он думал о двух вещах сразу. Первая: надо отказаться, пойти домой, включить ночник-черепаху и никогда-никогда не спать на уроках. Вторая: если он откажется, то Толя Белых так и будет вечно бросать бумажный мячик в серой пустой школе. И Лена будет ходить к нему раз за разом. И никто ему не поможет. Никто. Кроме мальчика, который боится засыпать.

— Это очень глупо, — сказал Гоша. — Бояться и всё равно лезть.

— Это не глупо, — ответила Лена. — Глупо — это бояться и не знать чего. А ты хотя бы узнаешь.

— А если там правда страшно?

— Там правда страшно, — согласилась Лена честно. — Но там и правда интересно. И потом — я буду рядом. Почти.

Гоша вздохнул так, будто собирался нырнуть с моста.

— Когда?

— В четверг, — сказала Лена. — Шестой урок, литература, после обеда. Самое сонное время во всей школе. Мария Петровна будет читать вслух — это помогает.

— Что делать-то мне?

— Ничего, — сказала Лена. — Просто положи голову на парту и слушай мой голос. Я знаю одну штуку... мою бабушка мне в детстве напевала. Работает безотказно. Пять минут — и ты уже там.

— Пять минут?!

— Ну, по нашим часам, — сказала Лена загадочно. — Там время другое. Там у тебя будет целых три звонка. Это много. Это очень много, Синицын.

Она встала, забрала свою надувную подушку и уже ушла на два шага, когда Гоша окликнул её:

— Лена! А почему ты мне? Мы же почти не разговариваем.

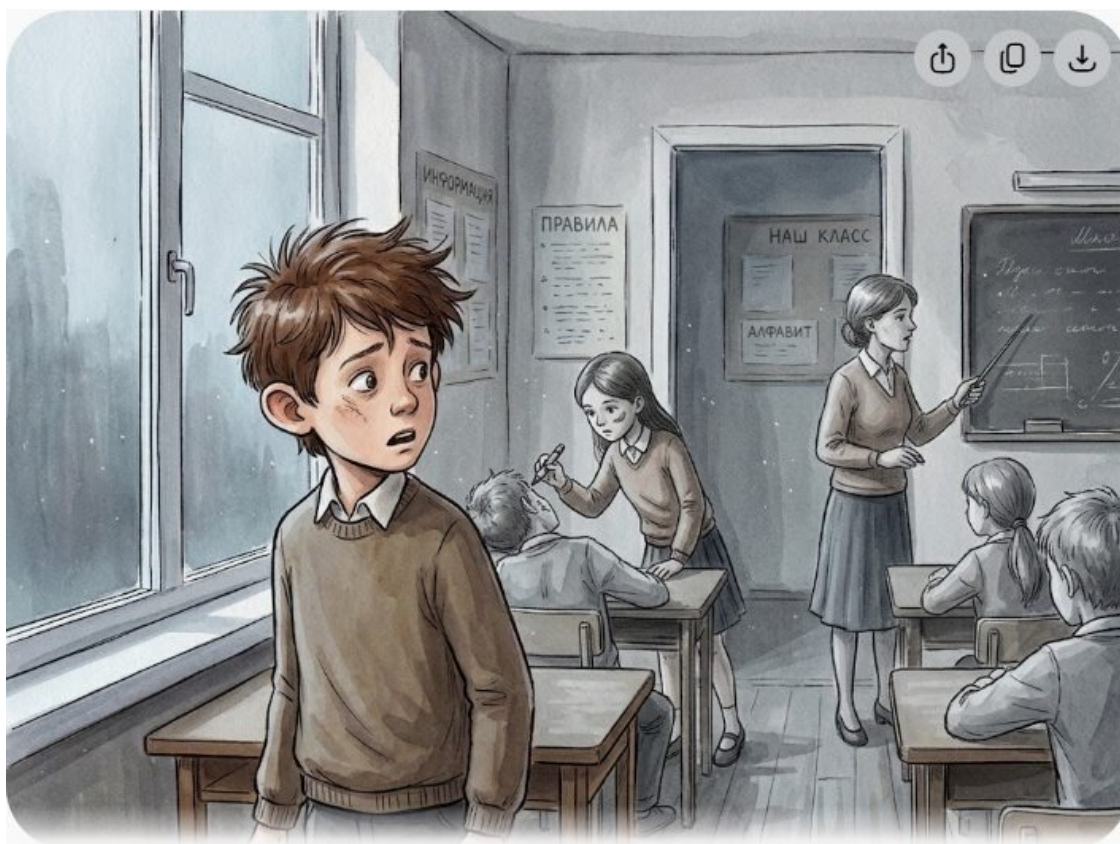
Лена обернулась.

— Потому что ты единственный в классе, кто смотрит на спящих не как на дураков, — сказала она. — Все смеются. А ты — смотришь. Я думала об этом целый год.

И ушла.

А Гоша сидел и смотрел на остывший компот, и почему-то вспоминал, как мама говорила в детском саду: «Ты у нас такой храбрый мальчик». И как он тогда промолчал. Вот сейчас бы тоже промолчать — да поздно.

Глава 3. Пять минут

До четверга Гоша три раза собирался передумать.

В среду утром он даже отрепетировал речь: «Королёва, я человек практичный. Практичные люди в неизвестность не ныряют». Но на большой перемене увидел, как Лена идёт по коридору со своей подушкой под мышкой — одна, тихая, — и речь куда-то делась.

В четверг с утра шёл дождь со снегом. Мама надела на Гошу шарф до самых глаз и сказала, что он у неё бледненький и чтобы он ел в столовой суп. Гоша сидел на литературе и думал: «Вот сейчас Мария Петровна начнёт читать, и всё. Назад дороги нет».

Шестой урок тянулся как жвачка. За окном темнело — в ноябре темнеет рано и обиженно. Мария Петровна читала вслух какую-то старую книгу про мальчика и море. Голос у неё был ровный-ровный, как дорога без поворотов. Половина класса уже лежала на партах. Денис спал, раскрыв рот, и Настя Ершова рисовала у него на щеке усы — он не чувствовал.

Гоша посмотрел на Лену. Лена посмотрела на Гошу и чуть кивнула.

«Ну всё», — подумал Гоша.

Он положил голову на сложенные руки. Парта была твёрдая и холодная — так и надо, говорил он себе, от холодной не уснёшь.

Лена начала петь.

Она пела не вслух — вернее, вслух, но так тихо, что слышно было только ему. Это была странная песня без слов: одни звуки, медленные и тёплые, будто кто-то гладил по голове рукавицей. Под неё хотелось не спать, а... не хотеть. Не хотеть держать спину прямо. Не хотеть контролировать уши. Не хотеть.

«Держись, — сказал себе Гоша и оттянул мочку уха. — Держись...»

Голос Марии Петровны стал ватным. Буквы в книге — он скосил глаза — поплыли и сделались похожи на муравьёв, которые строятся в колонну и уходят на зимовку. Рукавица гладила и гладила. Парта под щекой вдруг перестала быть холодной — она стала тёплой, как мамина рука.

«Я только на секундочку, — подумал Гоша. — Только проверю, мягкая ли...»

И провалился.

* * *

Знаете, как бывает во сне: падаешь — и вздрагиваешь, и снова не спишь. С Гошей произошло наоборот. Он будто падал-падал, а потом мягко сел, как в кресло, и оказалось, что он не спит.

Он лежал щекой на парте. Та же рука под головой. Тот же запах — мел, дерево, чья-то апельсиновая жвачка.

Но всё было не то.

Первым делом Гоша заметил свет. Он был серый. Не как в дождь и не как в сумерки, а как будто из мира аккуратно вынули все краски и оставили только карандашный набросок. Настя Ершова — серая. Денис — серый, и усы у него на щеке тоже серые. Мария Петровна у доски — серая, с поднятой рукой, и указка в руке замерла на середине жеста, как стрекоза, пойманная за крылья.

Замерла.

Гоша поднял голову так резко, что перед глазами поплыло.

Класс стоял неподвижно. Не «все уснули и дышат» неподвижно, а по-настоящему: Настя с занесённым фломастером, Денис с приоткрытым ртом, Вовка Титов в пол-оборота, будто хотел кинуть жвачку и передумал навсегда. Пылинки висели в сером воздухе, как мухи в янтаре. Из окна лился ровный свет без дождя и без снега.

Тишина была такая плотная, что Гоша слышал, как у него внутри стучит.

— Мария... Петровна? — прошептал он.

Никакого ответа.

Он встал. Ноги были ватные. Он обошёл парту и помахал рукой перед лицом Дениса — Денис не моргнул. Перебрался к Насте Ершовой и помахал перед её лицом — Настя не моргнула. Вблизи от неё веяло теплом, живым человеческим теплом, но сама она была тяжёлая и неподвижная, как мебель.

Тогда Гоша сделал то, чего делать не стоило, — но он ведь ещё не знал правил. Он протянул руку, чтобы потрясти Настю за плечо.

И замер. Серая тишина будто подалась к его руке — прислушиваясь, ожидая. Гоша не мог бы объяснить почему, но кожей почувствовал: стоит пальцам её коснуться — и случится что-то необратимое. Такое, что назад уже не отыграешь.

Он убрал руку.

«Ладно, — решил он. — Будем по-старинке. Без рук».

И тут Гоша увидел, что некоторые всё-таки двигаются.

В глубине класса, между рядами, медленно шла Мария Петровна. Совсем не так, как обычно: ноги она переставляла осторожно, на полусогнутых, руки висели вдоль тела, а глаза были закрыты. Она дошла до окна, постояла, повернулась и пошла обратно — как маятник в часах.

«Сомнамбула», — всплыло у Гоши в голове слово из какой-то передачи.

Он бросился к двери. Коридор был такой же серый и такой же застывший: у стены стоял замерший семиклассник с поднятой для броска рукой, на полу лежал мяч, который никогда не долетит, и над всем этим висела тишина — огромная, как спортивный зал.

— Эй! — крикнул Гоша. — Есть тут кто-нибудь?!

Тишина проглотила его крик, даже не поперхнувшись. Эха не было. Звук просто падал на пол и оставался лежать.

Гоша побежал. Он бежал по коридору мимо замерших детей, мимо распахнутых дверей классов, где всё застыло, как на фотографии, и с каждым шагом ему становилось яснее одно очень нехорошее, очень знакомое чувство.

Серый свет. Неподвижные люди. Тишина.

Он это уже видел. Пять лет назад. В детском саду, на тихом часу.

Гоша остановился посреди коридора, и сосулька, которую он проглотил тогда, снова шевельнулась у него в животе.

— Спокойно, — сказал он сам себе дрожащим голосом. — Это сон. Это просто сон. Сейчас я проснусь, и Денис будет ржать, и всё.

Он зажмурился и изо всех сил представил свою комнату, черепаху-ночник, звёзды на потолке. Досчитал до десяти. Открыл глаза.

Серый коридор был на месте.

И тогда из-за поворота, не спеша, вышел кот.

Глава 4. Сонный кот

Кот был серый — разумеется, серый, здесь всё было серое, — большой и невероятно лохматый. Он шёл на четырёх лапах, не торопясь, как ходят коты, которым совершенно всё равно, ждут их где-нибудь или нет. Дойдя до Гоши, кот сел, обернул хвост вокруг лап и зевнул.

Зевал он долго. Так долго, что Гоша успел подумать: «Может, он заколдованный принц? Сейчас дозевается и заговорит».

Кот дозевался и заговорил:

— Ты новенький, что ли?

Гоша сел на пол. Прямо на пол, в коридоре школы номер тринадцать, потому что ноги отказались его держать.

— Ты... — сказал он. — Ты разговариваешь.

— Разговариваю, — согласился кот. — А ты пялишься. У всех свои недостатки.

— Коты не разговаривают!

— Обычные — нет, — сказал кот и начал умываться. — Но ты ведь и в обычной школе не спишь на уроках, а сюда попал. Значит, ты уже не совсем обычный. Значит, и я для тебя сойду.

Гоша потёр лицо руками. Щёки были холодные.

— Это сон, — сказал он. — Я уснул на литературе, и мне снится говорящий кот. Бывает. Мне однажды снился трактор, который пел оперу.

— Ага, — сказал кот. — Сон. Тогда и я сон. И школа — сон. И все, кто тут ходит с закрытыми глазами, — тоже сон. Хорошая новость, правда? Во сне можно всё.

— Значит, можно проснуться! — обрадовался Гоша и вскочил.

— Невозможно, — сказал кот.

— Как это — невозможно?!

— А вот так, — сказал кот. — Ты не спишь, мальчик. Ты застрял.

Он произнёс это очень буднично, будто «ты застрял» значило «у тебя шнурок развязался». Гоша сглотнул.

— Как это — застрял? Куда?

— Сюда, — кот обвёл лапой коридор. — Это место называется Тихий час. Здесь живут все, кто заснул там, где спать не положено. Школа — место бодрое, она сон не любит и спихивает его сюда. Сюда же проваливаются сны всех, кто задремал на уроке, в автобусе, на скучном собрании... Ну, собрания — это далеко, нам неинтересно. А вот уроки — это наше, школьное.

— И... долго я тут?

— Как заснул, так и тут. Пять минут по вашему времени, — сказал кот. — Только время здесь не ваше. Здесь оно тянется, как сонное утро в воскресенье.

Гоша сел обратно на пол.

— А выйти как?

Кот перестал умываться и посмотрел на него в первый раз внимательно. Глаза у кота были жёлтые — единственное цветное пятно во всём этом сером мире.

— Выйти можно через дверь, — сказал он.

— Отлично! Где дверь?

— Дверь, которую никто не видит, — сказал кот.

— Это как?!

— А вот это, — сказал кот, снова принимаясь за лапу, — тебе придётся выяснить самому. Я кот. Я не справочное бюро. Я вообще тут случайно проходил.

— Коты не ходят случайно! Они всегда знают, куда идут!

— Много ты о котах знаешь, — фыркнул кот. — Ладно. Так и быть, одну подсказку дам. Слушай и запоминай, потому что повторять я не буду — я этих слов ещё сам не придумал.

Гоша подался вперёд.

— В Тихом часе звенят звонки, — сказал кот. — Три. Первый — далеко, как чужой будильник. Второй — ближе, как будильник соседа. Третий — над самым ухом, как твой собственный. До третьего звонка надо успеть найти дверь. Не успеешь — останешься здесь навсегда. Будешь ходить по коридорам, как все эти бедолаги, и повторять одно и то же, пока не сотрёшься.

— Сотрёшься?

— Как старая надпись на заборе, — объяснил кот. — Сначала буквы, потом смысл, потом забор.

Гоше очень не понравилось слово «сотрёшься». Оно было какое-то слишком тихое для такого страшного смысла.

— А... сколько я уже пробыл? Сколько звонков осталось?

Кот зевнул — опять долго, со вкусом.

— Ни одного не было, — сказал он. — Твои три звонка ещё впереди. Ты же, как я понимаю, здесь не по своей воле. Тебя привели?

Гоша вспомнил Лену, её тихую песню, рукавицу, которая гладила по голове.

— Привели, — сознался он.

— Ну вот, — сказал кот и прищурился. — Тогда ты тут лишний. А лишние в Тихом часе звенят громче всех. Береги свои три звонка, мальчик. Ищи дверь, которую никто не видит. И самое главное...

Он встал, потянулся — передние лапы вперёд, спина дугой — и закончил:

— Не трогай спящих. Никогда. Ни за что. Ни пальцем, ни словом на ветер.

— Почему?

Но кот уже уходил — серый хвост скрылся за поворотом, и только голос долетел из-за угла, сонный и насмешливый:

— Потому что разбуженный неправильно... просыпается неправильно...

— Эй! — заорал Гоша и бросился за поворот. — Как тебя зовут? Ты ещё придёшь?

За поворотом никого не было. Длинный пустой коридор, замершие пылинки и тишина.

— Приду, приду, — проворчал Гоша сам себе. — Все тут приходят.

Глава 5. Школа, которой не видно

Сначала надо было найти Лену.

Гоша рассуждал так: Лена сказала «я буду рядом, почти». Значит, она где-то здесь. Значит, надо обойти школу. Школу номер тринадцать он знал как свои пять пальцев — три этажа, два крыла, подвал, куда не пускают, и чердак, куда не пускают вдвойне.

Он начал с первого этажа.

Тихий час оказался... интересным. Гоша не ожидал от себя такого слова, но оно само пришло, когда он заглянул в столовую.

В столовой всё застыло, как везде: повариха с поднятым половником, очередь с подносами, пар над кастрюлями — тоже застывший, будто вырезанный из ваты. Но пар можно было потрогать. Он был плотный и чуть тёплый. Гоша отломил кусочек — пар отломился, как сахарная вата, — и быстро положил обратно: вдруг здесь за порчу имущества тоже что-то бывает.

Зато котлеты оказались настоящими. То есть не настоящими — каменными. Гоша попробовал поднять одну со сковородки и понял, что этой котлетой можно забивать гвозди.

— Среда, — догадался он. — В среду всегда такие.

Он пошёл дальше.

В спортивном зале было красивее всего. Под самым потолком, раскинув руки, завис прыгающий восьмиклассник — он прыгал через козла и так и остался в прыжке, как супермен. Мячи висели в воздухе над сеткой: два, три, пять штук. Гоша снял один с воздуха — мяч оказался лёгкий и неподвижный, будто нарисованный, — и аккуратно повесил обратно.

В библиотеке происходило самое странное.

Книги летали.

Не все — те, которые лежали раскрытыми на столе у библиотекаря. Страницы у них шевелились, как крылья уснувших бабочек, и книги чуть-чуть приподнимались, дрожали и снова опускались. Гоша подошёл ближе и услышал тоненький шелест — будто кто-то очень далеко шептал на незнакомом языке.

— Здравствуйте, — сказал он на всякий случай.

Книги дружно захлопнулись.

— Понял, понял, — сказал Гоша. — Не буду.

Он уже выходил, когда заметил: на одной полке стоит книга, которая не спит. Она была открыта, и страницы в ней переворачивались сами, медленно, одна за другой. Гоша подошёл и прочитал название: «Сказки на ночь». Страницы перевернулись в последний раз, книга вздохнула — по-настоящему, с шелестом, — и закрылась.

Гоша почесал затылок.

— Тут, кажется, всё живое, — сказал он вслух. — Кроме людей.

* * *

На втором этаже он понял, что ходит уже давно.

Как давно — непонятно: часов в школе было полно, но все они показывали разное время, и стрелки не двигались. Только большие часы в холле — те, что с маятником, — вели себя странно: маятник стоял, а стрелки вздрагивали, будто хотели качнуться и передумали.

Усталость оказалась ещё одной загадкой. Гоша не хотел есть, не хотел пить, но ноги гудели. «Как в сонном утре», — вспомнил он слова кота.

Лены нигде не было.

Зато он нашёл спящих.

Они были не только в классах. По коридорам медленно бродили ученики с закрытыми глазами — поодиночке, каждый сам по себе. Один мальчик из параллельного класса шёл вдоль стены и тихонько считал: «...семь, восемь, семь, восемь...» Девочка-десятиклассница стояла у окна и гладила стекло ладонью, снова и снова. Учитель физкультуры свистел — беззвучно, раз за разом, и лицо у него было такое сосредоточенное, будто он свистит самую важную игру в жизни.

Гоша попробовал заговорить с мальчиком, который считал.

— Привет. Ты из какого класса?

Мальчик прошёл мимо, не сбиваясь: «...девять, десять, девять, десять...»

— Он тебя не слышит, — сказали сзади.

Гоша подпрыгнул на месте и обернулся.

По коридору к нему шла Лена Королёва — в школьном платье, с подушкой под мышкой и такая же серая, как всё вокруг. Только глаза у неё были открытые. И очень усталые.

— Лена! — Гоша чуть не обнял её, но вовремя вспомнил про правила. — Ты живая!

— Угу, — сказала Лена. — А ты громкий. Здесь нельзя так орать. Тихий час не любит шума.

— Я тебя по всей школе ищу! Тут кот разговаривает, книги летают, котлеты каменные, а тебя нет!

— Я была в своём классе, — сказала Лена. — Я всегда начинаю оттуда. Пойдём, по дороге объясню. И первое, что ты должен запомнить...

Она остановилась и посмотрела на него очень серьёзно.

— ...не трогай спящих. Ни руками, ни... вот так, как ты сейчас, за рукав.

— Почему все об этом говорят?! — возмутился Гоша. — Кот сказал, ты говоришь...

— Потому что это самое главное правило, — сказала Лена. — Спящий в Тихом часе — он как... как мыльный пузырь. Внутри у него сон. Тронешь — пузырь лопнет, и сон выльется наружу не весь и не так. Человек проснётся неправильно.

— Это как?

— Сам увидишь, — сказала Лена мрачно. — Лучше не увидишь.

Они шли по серому коридору, и Гоша вдруг понял, что ему стало легче. Не потому, что исчез страх — страх сидел в животе и никуда не делся. А потому, что он больше не был один.

— Лена, — спросил он. — А далеко до двери?

Лена молчала так долго, что он успел спросить ещё раз:

— Лена?

— Понимаешь, Гоша, — сказала она наконец. — Дверь каждый раз в новом месте. Никто не знает, где она будет сегодня.

И в этот момент где-то очень далеко, будто на другом конце мира, прозвенел звонок.

Глава 6. Первый звонок

Звонок был тихий и тоненький, как комариный писк из соседней комнаты. Но Гоша услышал его всем телом: у него заныли зубы и сжались кулаки.

— Первый, — сказала Лена спокойно.

— Это мой?

— Твой, — кивнула она. — Для тех, кто застрял по-настоящему, звонков не бывает — они уже внутри. Для спящих понарошку, вроде меня, звонки просто звенят. А для тебя — отсчитывают.

— Весело, — сказал Гоша. — Сколько у нас времени до второго?

— Не знаю. Здесь нельзя мерить время. Иногда между первым и вторым — целый день, иногда — пять минут. — Лена пожала плечами. — Поэтому правило простое: звенит — иди. Не звенит — всё равно иди.

— Куда иди?

— Искать дверь, куда же ещё.

Они спустились на первый этаж. По дороге Лена рассказывала, а Гоша слушал и запоминал — теперь он понимал, что правила тут важнее, чем контрольная по математике.

— Правило первое: не трогай спящих. Ты уже знаешь. Правило второе: не кричи. Тихий час не любит шума — может «ответить». Правило третье: если встретишь застрявшего — не мешай ему. Он повторяет своё действие, и это его держит. Перебьёшь — станет хуже и ему, и тебе.

— А четвёртое?

— Четвёртое я тебе скажу потом, — сказала Лена. — Если доживём.

— Очень обнадеживающе.

Они прошли мимо кабинета, где на уроке химии застыл восьмой класс, и Гоша вдруг остановился.

— Лена. А почему здесь всё серое? В смысле — на самом деле школа цветная. А тут как будто... выцвела.

— Это потому что сон всё помнит черно-белым, — сказала Лена. — Старые фильмы видел? Бабушка говорит, сны раньше были цветные, но потом краски кончились, и Тихий час сделался таким. Может, врут.

— Кто врёт?

— Все, — сказала Лена. — Здесь вообще многое врут. Особенно кот.

Гоша хмыкнул. Они вышли в холл, где стояли часы с неподвижным маятником, и тут Лена взяла его за рукав — осторожно, двумя пальцами, будто боялась испачкаться.

— Смотри, — сказала она. — Только тихо.

В дальнем конце холла, у двери в подвал — той самой, куда «не пускают», — стоял мальчик. Лет четырнадцати, высокий, в спортивной кофте. Он держал в руке скомканный бумажный мячик и бросал его в угол, где не было никакого кольца. Мячик ударялся о стену, откатывался, мальчик подбирал его и бросал снова.

Бросок. Стук. Мячик катится. Подобрал. Бросок. Стук.

— Толя, — прошептала Лена.

Гоша посмотрел на неё. Лицо у Лены было такое, какого он у неё никогда не видел — ни в школе, ни в столовой, ни на переменах. Спокойное и несчастное одновременно.

— Это он? Который застрял?

— Год назад, — сказала Лена. — Семнадцатого ноября. Я помню дату, потому что это был мой день рождения. Он задержался после школы — ждал, пока я дособируюсь. Заснул на алгебре, в пустом классе... Его нашли только вечером. Сказали — переутомление.

Мальчик бросал мячик. Глаза у него были открыты, но пустые, как окна в доме, где никто не живёт.

— Толя! — негромко позвала Лена.

Никакой реакции. Бросок. Стук.

— Он не слышит, — сказала Лена. — Застрявшие вообще никого не слышат. Они слышат только своё повторение. Я приходила к нему сто раз. Я пела ему нашу песню. Я приносила ему... ну, во сне можно приносить разное. Всё бесполезно. Я спящая, Гоша. Мой голос для него — как голос из другого сна. А ты настоящий. Ты — единственный шанс.

Гоша смотрел на Толю Белых, который год бросал мячик в несуществующее кольцо, и чувствовал, как сосулька в животе превращается в целый айсберг.

— Лена, — сказал он тихо. — Я не знаю, как это делается. Разбудить застрявшего. Мне никто не объяснил. Кот сказал «не трогай спящих» и ушёл умываться.

— Поэтому нам и нужен кот, — сказала Лена.

— Кот?!

— Он знает всё. Он тут с самого начала — я думаю, он даже старше школы. Надо его найти и заставить говорить.

— Как заставить?! Он даже имени своего не сказал!

— Скажет, — Лена впервые за весь разговор чуть улыбнулась. — Коты не выносят, когда их недооценивают.

Гоша вздохнул. Он посмотрел на застывшие часы, на серое небо в окне, на Толю с его бесконечным мячиком — и вдруг понял простую вещь: обратного пути нет. Дверь домой не откроется по команде «мама, забери меня». Есть только дверь, которую никто не видит, три звонка и говорящий кот, который «вообще тут случайно проходил».

— Ладно, — сказал Гоша. — Идём искать кота.

И они пошли — два школьника в серой заколдованной школе, один из которых не должен был здесь быть, а вторая приходила сюда сто раз и всё равно боялась.

А где-то далеко, на самом краю Тихого часа, невидимый и неумолимый, уже настраивался второй звонок.

Часть вторая. Правила Тихого часа

Глава 7. Охота на кота

Искать кота в школе — занятие бессмысленное. Это Гоша понял через двадцать минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.